ШХ: Итак, когда ты писала, у тебя была литературная классика, которая помогала тебе вдохновлять твои книги. В Ломая Рассвете ты сказала, это была книга Сон в Летнюю Ночь, и ещё вторая, которую ты не могла назвать.СМ: Венецианский купец — о ней я говорила в истории. Ты знаешь… [ШХ ахает] это книга, из которой Элис вырывает страницу, чтобы оставить сообщение для Беллы.

ШХ: Я задавалась вопросом об этом.СМ: И, ты знаешь, изначально это была Джейн Эйр, из которой Элис вырвала страницу. Но Джейн Эйр не имела ничего общего с историей. Она попала туда только потому, что Джейн Эйр была одной из моих лучших подруг, пока я росла. Она была действительно большой частью моей жизни. [Смеется] Вот почему она попала туда, потому что эта книга была такой большой частью моего опыта взросления и определила многие мои взгляды на мир.Потому что, на самом деле, я, правда, считаю, что есть некоторое сходство между Беллой и Джейн Эйр. Джейн Эйр стоически переносит невзгоды. Она делает то, что считает правильным, и принимает это — и она не кричит об этом. Знаешь, в своей голове, может, она и страдает, но она никогда не позволяет этому сорваться с её губ. И я, правда, считаю, что доля подобного стоицизма — не совсем такое, но доля этого — есть в Белле.Настоящая история, с которой я чувствовала связь, это Сон в Летнюю Ночь, где в этой прекрасной фантазии существует разбитие сердца, не влюбляющихся в правильных людей — что случается постоянно — происходит прямо в этом блестящем мгновении волшебной пыли. Я люблю эту книгу — и это та часть, которую я люблю в ней. Я наслаждалась персонажам Боттомом в пьесе, но это не то, почему я её читала. Я читала её ради волшебства.Именно от подобного и возникла идея запечатления, которая существовала в Вечном Рассвете (оригинальное продолжение Сумерек). И я ввела его раньше, чтобы это было нечто уже объясненное, и мне не пришлось бы вдаваться в подробности позже. Речь шла о волшебстве расставляющая всё по своим местам — чего не происходит в реальном мире, что является абсолютной фантастикой. Но если мы не можем расставить всё по своим местам в фантастике, то где ещё мы можем расставить всё правильно?Вот тут-то и появляется Венецианский купец. Третья книга Ломая Рассвета — а это целая половина романа — намного длиннее, чем я задумывала, в конечном итоге. И всё это время во мне нарастало напряжение до финального противостояния… но я хотела дать понять, что это не будет физическое противостояние. Это была ментальная противостояние — и если одна персона проиграет, умрут все.

ШХ: Аха.СМ: Нет никакого способа победить в этом с помощью физической битвы. Все проиграют, если это произойдёт. Так что это ментальная битва за выживание, и всё дело в том, чтобы найти правильную формулировку того, как сказать что-то. Найти правильные доказательства, которые необходимо представить в нужное время, чтобы ты мог заставить кого-то уступить — просто поймав их же собственными словами.

ШХ: Потому что в Венецианском купце Порция смогла остаться со своим возлюбленным, будучи умной.СМ: Именно. И только благодаря своему уму и правильно подобранным словам она предотвратила кровопролитие и убийство, которые по закону происходят прямо у неё на глазах и разрушают её жизнь.

ШХ: Когда Венецианский купец появился в этой истории, я сразу же начала перебирать вопросы в уме: Какова история Венецианского купца? Что она означает для этой книги?СМ: И в конце Венецианского купца все влюблённые получают свой счастливый конец. Это одна из

причин, почему мне нравится эта книга. [Смеется]

ШХ: Венецианский купец и Сон в Летнюю Ночь — мне они нравятся.СМ: Можешь ли ты сказать, что мне нравится светлая сторона Шекспира? Я имею в виду, что мне также нравятся трагедии, и Ромео и Джульетта, вероятно, моя любимая. Что, вероятно, очень незрело с моей стороны, но эта одна из пьес, что всегда меня захватывало, и я думаю, что это часть того, кто я есть. [Смеется] Вот почему мои книги такие, какие они есть — потому что это истории, которые оживают для меня.

ШХ: Это настолько хорошо работает в Новолуние. Однако я также отождествляла с Новолунием, потому что в Эдварде есть нечто немного от Рочестера, как мне кажется.СМ: Аха.

ШХ: И потом Эдвард уходит — а в Джейн Эйр, Джей это та, кто уходит.СМ: Аха.

ШХ: И она с Сент-Джоном, но ты же знаешь, что Джейн и мистер Рочестер должны быть вместе. И ты не знаешь: они будут вместе? И ещё там присутствует немного мистики — когда она слышит, как он зовёт её по имени. И она возвращается к нему, и она спасает его. И я люблю это в Новолуние. Я никогда не устаю от него.СМ: Я никогда не думала об этом в таком контексте, и есть так много того, что срабатывает с этим сравнением. Я имею в виду, что мне придётся подумать об этом ещё немного позже. Потому что, ух ты — сравнений очень много. Я никогда не писала книги, в которой сказала бы: «В этой есть акцент на Джейн Эйр». Но я считаю, что ты абсолютно права.Знаешь, разве не забавно, как книги влияют на нас? Они становятся частью того, кто ты есть. Я имею в виду, сколько из моего детства, которое я помню, на самом деле произошло со мной, и сколько из них — это события, которые происходили в Энн из поместья Зеленые крыши?

Ты знаешь, я не совсем уверена, потому что чтение было очень большой частью того, кем я была. И эти истории были столь же реальными — и гораздо более захватывающими — чем скука изо дня в день, которой была моя жизнь.Но Джейн Эйр была той особой, которая, как мне чувствовалось, я знала. Я считаю, что в Эдварде есть много от мистера Рочестера, и я считаю, что в Эдварде также есть много от Джейн. Потому что он способен заставить себя уйти от ситуации, которая не является правильной, как и она! И потом она, как и Белла, возвращается домой в конце. Но, боже мой, как близко они. Благодарю тебя, Шеннон Хейл. Ты просветила меня.

ШХ: [Смеется] Что ж, всегда пожалуйста.СМ: Знаешь, я считаю… может читатели, которые не являются писателями, могут рассматривать нечто подобное — черпание вдохновения из других книг — как своего рода форму плагиата. Но на самом деле, чем больше ты пишешь, я считаю, ты осознаешь, что нет новых историй, всё уже написано до нас.

ШХ: Каждая история была рассказана до нас, так что ты лишь рассказываешь её по-новому. Одна из основных причин, по которой так важно быть хорошо начитанным, когда ты начинаешь писать, заключается в том, что, когда ты пишешь, ты можешь вести диалог со всем остальным, что когда-либо было написано. Чем больше ты читаешь, тем больше общаешься со

всеми этими великими произведениями. И это делает их более захватывающими.СМ: Верно. Я правда верю, что, ты знаешь, новых историй нет — за исключением, может, Скотта Вестерфельда. [Смеется]

Он, вроде бы, единственная личность, которая всегда заставляет меня считать: Никто никогда не делал этого прежде! [Смеется] Но, ты знаешь, каждая история имеет основу во всех историях твоей жизни.

ШХ: Я считаю, что самый частый вопрос, который задают любому писателю: откуда ты черпаешь свои идеи? И на этот вопрос невозможно ответить, потому что, как ты уже сказала, они исходят из…СМ: Миллион мест.

ШХ: Ото всего: всё, что ты испытала, или вообразила, или подумала, или ощутила запах, или прочитала, или…СМ: От человека, мимо которого ты однажды проходила в аэропорту, просто… знаете, ты увидела его взгляд и начала рассказывать историю о том, что происходит в голове этой личности.

ШХ: И, конечно, история — это не одна лишь идея. Чем больше ты пишешь, тем больше ты рисуешь миллион разных вещей. Вот почему так много времени уходит на написание истории, потому что я начинаю с идеи… но чем больше я пишу, тем больше понимаю, что это всего лишь ядро — потому что я добавляю все больше и больше глубины и интриги. И вместе с персонажами он создает целую вселенную.СМ: Это, правда, так. Недавно я пытался описать это — как у тебя есть целая вселенная возможностей. И каждый раз, когда ты выбираешь нечто одно для своей истории — например, Белла брюнетка — все её белокурые и рыжеволосые возможности исчезают. А затем, когда ты выбираешь тип машины, на котором ездит кто-то из персонажей, есть миллион других автомобилей, марок и моделей, которые внезапно умирают. И по мере того, как ты сужаешь круг, ты просто берешь кусочки и уничтожаешь целые миры, которые могли бы быть. Это очень интересный процесс.

ШХ: У меня мурашки.

http://tl.rulate.ru/book/52023/1485519